

После побега я со временем убедился, что часть правды — а именно тот факт, что я писатель, — может служить мне очень удобным прикрытием. Это было достаточно неопределенно, чтобы оправдать неожиданный отъезд и длительное отсутствие, а когда я объяснял, что «собираю материал», это можно было понимать очень широко и вполне соответствовало тому, чем я занимался, — добыванию сведений о тех или иных местах, транспорте, фальшивых паспортах. К тому же это прикрытия оберегало меня от нежелательных расспросов: как только возникала угроза, что я примусь пространно рассуждать о тонкостях писательского ремесла, большинство людей, кроме самых настырных, предпочитали сменить тему.

Я ведь и в самом деле был писателем. Я начал писать в Австралии, когда мне было чуть больше двадцати. Но вскоре после того, как я опубликовал свою первую книгу и начал приобретать некоторую известность, разрушился мой брак, я потерял дочь, лишенный права ее видеть, и загубил свою жизнь, связавшись с наркотиками и преступным миром, попав в тюрьму и сбежав из нее. Но и после побега привычка писать не оставила меня, это было моим естественным времяпрепровождением. Даже в «Леопольде» мои карманы были набиты исписанными клочками бумаги, салфетками, квитанциями и медицинскими рецептами. Я писал не переставая в любом месте и в любых условиях. И теперь я могу подробно рассказать о тех первых днях в Бомбее именно потому, что стоило мне оказаться в одиночестве, как я принимался заносить в тетрадь свои впечатления о встречах с друзьями, разговоры, которые мы вели. Привычка к писательству, можно сказать, спасла меня, приучив к самодисциплине и к регулярному выражению словами всего пережитого за день. Это помогало мне справиться со стыдом и его неразлучным спутником — отчаянием.

— Вот *Scheisse*¹, я не представляю, о чем можно писать в Бомбее. Это нехорошее место, *ja*. Моя подруга Лиза говорит, что когда придумали слова «помойная яма», то имели в виду как раз такое место. Я тоже считаю, что это подходящее название для него. Ты лучше поезжай в какое-нибудь другое место, чтобы писать, например в Раджастан. Я слышала, что там не помойная яма, в Раджастане.

— А знаешь, она права, Лин, — заметила Карла. — Здесь не Индия. Здесь собрались люди со всей страны, но Бомбей — это не Индия. Бомбей — отдельный мир. Настоящая Индия далеко отсюда.

— Далеко?

— Да, там, куда не доходит свет.

¹ Дерьмо (нем.).

— Наверное, вы правы, — ответил я, подивившись ее метафоре. — Но пока что мне здесь нравится. Я люблю большие города, а Бомбей — третий по величине город мира.

— Ты уже и говорить стал, как этот твой гид, — насмешливо бросила Карла. — Боюсь, Прабакер учит тебя слишком усердно.

— Он действительно многому научил меня. Вот уже две недели он забивает мне голову всевозможными фактами и цифрами. И это удивительно, если учесть, что он бросил школу в семь лет и научился читать и писать здесь, на бомбейских улицах.

— Какими фактами и цифрами? — спросила Улла.

— Ну, например, касающимися населения Бомбея. Официально оно составляет одиннадцать миллионов, но Прабу говорит, что у парней, которые заправляют подпольным бизнесом и ведут свой учет, более точные цифры — от тринадцати до пятнадцати миллионов. Здесь говорят на двух сотнях языков и диалектов. На двух сотнях — подумать только! Это все равно что жить в самом центре мира.

Словно желая проиллюстрировать мои слова, Улла стала очень быстро говорить что-то Карле на немецком. Модена подал ей знак, и она поднялась, взяв со стола свой кошелек и сигареты. Неразговорчивый испанец все так же молча вышел из-за стола и направился к арке, ведущей на улицу.

— Мне надо работать, — объявила Улла, обворожительно улыбаясь. — До завтра, Карла. В одиннадцать, *ja?* Лин, может, поужинаем завтра вместе, если ты здесь будешь? Мне этого хотелось бы. Пока! *Tschus!*¹

Она вышла вслед за Моденой, провожаемая восхищенными плотоядными взглядами всех окружающих мужчин. Дидье в этот момент решил побеседовать со знакомыми, сидевшими за другим столиком. Мы остались с Карлой вдвоем.

— Не стоит слишком полагаться на ее слова, — сказала Карла.

— На какие слова?

— Что она будет ужинать завтра с тобой. Она всегда так говорит.

— Я знаю, — усмехнулся я.

— Она тебе нравится, да?

— Да, нравится. Почему ты улыбаешься? Разве в этом есть что-то забавное?

— В некотором смысле — да. Ты ей тоже нравишься.

Карла помолчала, и я ожидал, что она объяснит сказанное, но она переменяла тему:

— Улла дала тебе деньги, американские доллары. Она сообщила мне это по-немецки, чтобы Модена не понял. Ты должен

¹ Пока! (нем.)

отдать их мне, а она возьмет их завтра, когда мы встретимся в одиннадцать.

— О'кей. Отдать их прямо сейчас?

— Нет, не здесь. Мне сейчас надо уйти — у меня назначена встреча. Я вернусь примерно через час. Ты можешь дожидаться меня? Или, если тебе тоже куда-то надо, прийти сюда через час снова? А потом можешь проводить меня домой, если хочешь.

— О чем речь? Я буду здесь.

Она встала, и я тоже поднялся, чтобы отодвинуть ее стул. Она слегка улыбнулась мне и приподняла одну бровь — не то удивленно, не то насмешливо, а может, это означало и то и другое.

— А насчет Бомбея я не шутила. Тебе вправду надо уехать отсюда.

Я смотрел, как она выходит на улицу и садится на заднее сиденье частного такси, по-видимому ожидавшего ее. Когда автомобиль кремового цвета стал медленно вписываться в вечерний поток машин, из переднего окна с пассажирской стороны высунулась мужская рука, державшая в толстых пальцах зеленые четки и махавшая прохожим, чтобы они уступили дорогу.

Оставшись один, я опять сел, прислонившись спиной к стене, и погрузился в шумную атмосферу «Леопольда». Он был самым большим рестораном в Колабе и одним из самых больших во всем городе. В прямоугольном зале первого этажа могли бы поместиться четыре других обычного размера. Две металлические двери вели к деревянным аркам, откуда открывалась панорама улицы Козуэй, самой оживленной и живописной в этом районе. На втором этаже находился более интимный бар с кондиционерами; его подпирали массивные колонны, разделявшие нижний зал на несколько частей, примерно равных по величине. Вокруг колонн были расставлены столики. К колоннам, так же как и к стенам, было прикреплено множество зеркал, которые служили дополнительным преимуществом заведения, давая посетителям возможность наблюдать за другими украдкой, а то и в открытую. Многие развлекались, любясь собственным отражением, размноженным сразу в нескольких зеркалах. Короче, в «Леопольде» ты мог вволю разглядывать себя и других, быть объектом наблюдения и наблюдать, как тебя разглядывают.

В зале имелось штук тридцать столиков с крышками из пепельно-жемчужного индийского мрамора. Возле каждого из них стояло не меньше четырех кедровых стульев. Карла называла их шестидесятиминутными сиденьями, потому что они были достаточно неудобными, чтобы отбить у посетителей желание задержаться на более долгий срок. Целый рой вентиляторов с широкими лопастями жужжал под потолком, и люстры из матового стекла медленно и величественно покачивались в струе воздуха. Бордюр красного дерева окаймлял ярко окрашенные стены,

окружал окна и двери и служил рамой зеркалам. На столах вдоль одной из стен были навалены в роскошном изобилии фрукты, подававшиеся на десерт или в виде соков, — пау-пау¹, папайя, кремовые яблоки, сладкий лайм, виноград, арбузы, бананы, сантра² и четыре сорта манго — если был его сезон. На возвышении за широкой стойкой тикового дерева восседал метрдотель, наблюдавший, подобно капитану на корабельном мостике, за тем, что происходит на палубе. За его спиной был узкий коридор, из которого то и дело вырывались клубы пара и табуны официантов; иногда в конце коридора можно было разглядеть уголок кухни и царивший там кавардак.

Несколько поблекшая, но все же впечатляющая роскошь «Леопольда» приковывала взгляд каждого, кто входил под широкие деревянные арки в этот красочный и блестящий мир. Но самой выдающейся достопримечательностью «Леопольда» могли любоваться лишь его самые незаметные служители: когда ресторан закрывался и уборщики отодвигали в сторону всю мебель, глазам представляли во всем их блеске полы. Шестиугольные плитки, расходящиеся лучами от сверкавшего, как солнечный взрыв, центра, образовывали сложный узор, характерный для полов в северных индийских дворцах. И это пышное великолепие пропадало втуне для посетителей, любовавшихся лишь собственными отражениями в зеркалах, и раскрывало свою тайну только босоногим уборщикам, беднейшим и скромнейшим из городских труженников.

Каждое утро, когда двери ресторана с его вымытыми полами распахивались, наступал час благословенной прохлады, и «Леопольд» был оазисом спокойствия в водовороте городской суеты. Затем вплоть до самого закрытия в полночь он был переполнен как туристами из сотен стран мира, так и местными жителями самых разных национальностей, съезжавшимися сюда со всех концов города для обсуждения своих дел и заключения сделок. Здесь торговали не только наркотиками, валютой, паспортами, золотом и сексом, но и менее осязаемым товаром — назначениями, протекциями, контрактами, сферами влияния. Это была целая система подкупа, игравшая важную роль в развитии индийского бизнеса.

«Леопольд» был неофициальной зоной свободной торговли, а находившийся через дорогу от него бдительный во всех других отношениях полицейский участок Колабы старательно закрывал на это глаза. Деловая жизнь в ресторане подчинялась строго определенным правилам, разделявшим территорию на отдель-

¹ *Пау-пау* — плоды азимины, кустарникового растения семейства анноновых.

² *Сантра* — разновидность апельсина.

же день, и мне это очень нравилось. Я инстинктивно старался не осуждать ничего в этом городе, который я все больше любил. Мой инстинкт велел мне наблюдать, участвовать в текущей вокруг меня жизни и радоваться ей. Тогда я еще не мог знать, что в ближайшие месяцы и годы моя свобода и сама жизнь будут зависеть от индийского обычая вовремя отвернуть зеркальце.

— Как! Ты один? — воскликнул вернувшийся Дидье. — *C'est trop!*¹ Находиться здесь одному, дружище, — это неприлично, а право быть неприличным я зарезервировал за собой. Давай выпьем.

Он плюхнулся на стул рядом со мной и подозвал официанта, чтобы заказать выпивку. Я каждый вечер в течение нескольких недель разговаривал с Дидье в «Леопольде», но никогда — наедине. Меня удивило, что он решил присоединиться ко мне, когда рядом не было ни Уллы, ни Карлы, ни кого-либо еще из их компании. Это означало, что он считает меня своим, и я был благодарен ему за это.

Он нетерпеливо барабанил пальцами по столу, пока не прибыло виски, после чего с жадностью опрокинул разом полстакана и лишь затем с облегчением вздохнул и повернулся ко мне, прищурившись и улыбаясь:

— Ты, я вижу, погружен в глубокое раздумье.

— Я думал о «Леопольде» — наблюдал, вникал во все это.

— Жуткое заведение, — обронил он, тряхнув густыми кудрями. — Не могу себе простить, что так люблю его.

Мимо нас прошли двое мужчин в свободных брюках, собранных у шиколоток, и темно-зеленых жилетах поверх доходявших до бедер рубаш с длинными рукавами. Дидье смотрел на них очень пристально и, когда они кивнули ему, широко улыбнулся и помахал в ответ. Пара присоединилась к своим друзьям, сидевшим неподалеку от нас.

— Опасные люди, — пробормотал Дидье, глядя все с той же улыбкой им в спину. — Афганцы. Тот, что поменьше, Рафик, торговал книжками на черном рынке.

— Книжками?

— Паспортами. Раньше он был очень большой шишкой, управлял всей торговлей. Теперь занимается переправкой дешевого героина через Пакистан. Зарабатывает на этом гораздо больше, но зуб на тех, кто выпер его из книжного дела, все же имеет. Тогда положили немало людей — его людей.

Будто услышав его слова, — хотя этого никак не могло быть, — афганцы вдруг обернулись и пристально уставились на нас с мрачным видом. Один из сидевших за их столиком наклонился к ним и проговорил что-то, показав на Дидье, а затем

¹ Это уж слишком; так нельзя (фр.).

на меня. Оба сосредоточили все внимание на мне, глядя прямо в глаза.

— Да, немало людей положили, — повторил Дидье вполголоса, продолжая широко улыбаться до тех пор, пока парочка не отвернулась от нас. — Я ни за что не стал бы ввязываться в какие-нибудь дела с ними, если бы только они не вели их так блестяще.

Он говорил уголком рта, как заключенный под взглядом охранника. Это выглядело довольно забавно. В австралийских тюрьмах это называлось «открыть боковой клапан», и мне живо вспомнилась моя тюремная камера. Я вновь услышал металлический скрежет ключа в замке, почувствовал запах дешевого дезинфектанта и влажный камень у меня под рукой. Подобные вспышки воспоминаний часто бывают у бывших эзков, копов, солдат, пожарных, водителей «скорой помощи» — у всех тех, кто имеет опыт травмирующих переживаний. Иногда эти вспышки происходят совершенно неожиданно в таких неподходящих местах и ситуациях, что вызывают естественную реакцию в виде идиотского непроизвольного смеха.

— Думаешь, я шучу? — вспыхнул Дидье.

— Нет-нет, вовсе не думаю.

— Все так и было, уверяю тебя. Развязалась небольшая война за передел сфер влияния... Смотри-ка, и победители явились сюда же — Байрам и его ребята. Он иранец. В этом деле он был главным исполнителем, а работает он на Абдула Гани, который, в свою очередь, работает на одного из крупнейших мафиози в этом городе, Абдель Кадер Хана. Они выиграли эту войну и прибрали к рукам всю торговлю паспортами.

Он незаметно кивнул на группу молодых людей в модных джинсах и пиджаках, вошедшую в зал через одну из арок. Прежде чем занять столик у дальней стены, они подошли к метрдотелю, чтобы выразить свое почтение. Главным у них был высокий упитанный мужчина лет тридцати с небольшим. Приподняв полное жизнерадостное лицо над головами своих спутников, он обвел взглядом весь зал, уважительно кивая или дружески улыбаясь знакомым. Когда его взгляд остановился на нашем столике, Дидье приветственно помахал ему.

— Да, кровь... — проговорил он, дружелюбно улыбаясь. — Пройдет немало времени, прежде чем эти паспорта перестанут пахнуть кровью. Меня-то это не касается. В еде я француз, в любви итальянец, а в делах швейцарец — строго блюду нейтралитет. В одном я уверен: из-за этих паспортов будет пролито еще много крови.

Взглянув на меня, он похлопал глазами, словно желая сморгнуть навязчивое видение.

— Похоже, я напился, — проговорил он с приятным удивлением. — Давай закажем еще.

— Заказывай себе. Мне хватит того, что осталось. А сколько стоят эти паспорта?

— От сотни до тысячи. Долларов, разумеется. Хочешь купить?

— Да нет...

— Точно так же говорят «нет» бомбейские дельцы, промышляющие золотом. Их «нет» означает «может быть», и чем категоричнее оно звучит, тем вероятнее «может быть». Когда тебе понадобится паспорт, обращай ко мне, я добуду его для тебя — за небольшие комиссионные, само собой.

— И много тебе удастся заработать здесь... комиссионных?

— Ну... не жалуюсь, — усмехнулся он, поблескивая голубыми глазами, подернутыми розовой алкогольной влагой. — Свою концы с концами, как говорится, и, когда они сходятся, получаю плату с обоих концов. Вот только что я провернул сделку с двумя кило манальского гашиша. Видишь парочку возле фруктов — парень с длинными белокурыми волосами и девушка в красном? Это итальянские туристы, они хотели купить гашиш. Некий человек, ты мог заметить его на улице — босой, в грязной рубашке, — зарабатывает там свои комиссионные. Он направил их ко мне, а я, в свою очередь, переправил их Аджая, который торгует гашишем. Великолепный преступник. Вон, смотри, он сидит вместе с ними, все улыбаются. Сделка состоялась, и моя работа на сегодня закончена. Я свободен!

Он постучал по столу, в очередной раз призывая официанта, но когда тот принес маленькую бутылочку, Дидье какое-то время сидел, обхватив ее обеими руками и глядя на нее в глубокой задумчивости.

— Сколько ты собираешься пробыть в Бомбее? — спросил он, не глядя на меня.

— Не знаю точно. Забавно, в последние дни все только и спрашивают меня об этом.

— Ты уже прожил здесь дольше обычного. Большинство приезжих стремятся поскорее смыться отсюда.

— Тут еще гид виноват, Прабакер. Ты знаешь его?

— Прабакер Харре? Рот до ушей?

— Да. Он водит меня по городу вот уже несколько недель. Я повидал все храмы, музеи и художественные галереи, а также целую кучу базаров. Но он пообещал, что с завтрашнего дня начнет показывать мне Бомбей с другой стороны — «настоящий город», как он сказал. Он меня заинтриговал, и я решил задержаться ради этого, а там уже будет видно. Я никуда не спешу.

— Это очень грустно, если человек никуда не спешит. Я бы на твоём месте не стал так открыто признаваться в этом, — заявил он, по-прежнему не отрывая взгляда от бутылки. Когда Дидье не улыбался, лицо его становилось отвислым, дряблым,

мертвенно-бледным. Он был нездоров, но его нездоровье можно было исправить. — В Марселе есть поговорка: «Человек, который никуда не спешит, никуда не попадает». Я уже восемь лет никуда не спешу.

Внезапно его настроение изменилось. Он плеснул напиток в стакан и поднял его с улыбкой:

— Выпьем за Бомбей, в котором так здорово никуда не спешить! И за цивилизованного полисмена, который берет взятки хоть и вопреки закону, но зато ради порядка. За бакшиш!

— Я не против выпить за это, — отозвался я, звякая своим стаканом о его. — Дидье, а что тебя удерживает в Бомбее?

— Я француз, — ответил он, любуясь жидкостью в стакане. — Кроме того, я гей, иудей и преступник. Примерно в таком порядке. Бомбей — единственный город из всех, что я знаю, где я могу быть во всех четырех ипостасях одновременно.

Мы рассмеялись и выпили. Он окинул взглядом большой зал, и его глаза остановились на группе индийцев, сидевших недалеко от входа. Какое-то время он изучал их, потягивая алкоголь.

— Если ты решил остаться, то выбрал подходящий момент. Наступило время перемен. Больших перемен. Видишь вон тех людей, которые с таким аппетитом уплетают свою еду? Это сайники, наемники Шив Сены¹. «Люди, выполняющие грязную работу» — так, кажется, звучит ваш милый английский эвфемизм. А твой гид не рассказывал тебе о Сене?

— Да нет, не припоминаю такого.

— Думаю, с его стороны это не случайная забывчивость. Партия Шив Сена — это лицо Бомбея в будущем. А их методы и их *politique*², возможно, будущее всего человечества.

— А что у них за политика?

— Ее можно назвать этнической, региональной, языковой. Все люди, говорящие не на нашем языке, — наши враги, — ответил он, скривившись в брезгливой гримасе и загибая пальцы на левой руке. Руки были очень белые, мягкие, а под длинными ногтями по краям было черно от грязи. — Это политика запугивания. Ненавижу всякую политику, а пуще того политиков. Их религия — человеческая жадность. Это возмутительно. Взаимоотношения человека с его жадностью — это сугубо личное дело, ты согласен? На стороне Шив Сены полиция, потому что это партия Махараштры, а большинство рядовых полицейских ро-

¹ *Шив Сена* («Армия Шивы») — образованная в 1966 г. индуистская националистическая партия. *Сайники* — выпускники военных школ для малоимущих слоев населения, рассматриваются как опора националистического движения.

² Политика (фр.).